

Двойственную функцию играет юмор и смех в необходимой смене лидеров. Как уже отмечалось выше, принижение их роли всегда было целью таких проявлений юмора, как политические карикатура, анекдот, сатира. Именно по этой причине в тоталитарных обществах на подобное творчество существует безусловный запрет, подкрепляемый даже уголовной ответственностью. В переходных или демократических обществах ситуация складывается несколько иначе.

Обычно на смену политикам, играющим на классовой или национальной нетерпимости, как правило, приходят лидеры согласия. Это происходит чаще всего на фазе “затихания” конфликта.

Было бы неверным, конечно, оценивать юмор в качестве средства, исключительно смягчающего конфликт. Это замечено на этнических шутках, подчас обостряющих отношения; они встречаются в разных странах, но обычно имеют сходное содержание. А.Зижервельд считает, например, что они выражают: 1) воображаемую глупость осмеиваемой этнической группы; 2) ее скупость; 3) ее сверхсексуальность, или напротив, импотентность[82].

Некоторые исследователи считают наши шутки своеобразной реакцией на сближение и перемешивание этнических групп в индустриальных обществах. В этих обществах социальные, моральные и географические границы становятся не так заметными и этнические шутки, анекдоты призваны восстановить необходимую дистанцию, создав элементы контроля над национальным меньшинством (или большинством) населения. Таким образом поддерживается дистанция между “нами” и “ими”. В подобных шутках в той или иной мере проявляются плохо скрываемые националистические чувства, ненависть и злоба, а также сознание собственного превосходства. В бывшем СССР наиболее распространенными были анекдоты и остроты об армянах, чукчах, евреях; в США — о неграх, поляках, латиноамериканцах и др.

Агрессивная напряженность такого рода юмора бывает не всегда очевидна. Многие анекдоты, в частности, оставляют возможность для различного рода их толкования. Более того, “межнациональные” шутки особенно в период напряженности чаще всего перефразируются и используются национальными меньшинствами уже с новым, противоположным смыслом.

Заканчивая размышления о двойственном характере влияния юмора на протекание конфликта, заметим, что на макроуровне он может выступать в качестве катализатора самого конфликта. При отсутствии эффективных социальных амортизаторов юмор может служить признаком дискомфорта в отдельных социальных группах[83]. Кроме того, в конфликтующем обществе, переживающем период кризиса, государство особенно рьяно борется доступными ему средствами с тем юмором, который подрывает господствующую идеологию, высмеивает его лидеров. В этом также проявляется двойственность отношения к юмору и смеху как одному из средств предупреждения и разрешения конфликтов.

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ

ДЕТСКИЙ АНЕКДОТ: ФУНКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Широко распространенное в научной литературе мнение о начале усвоения политического опыта детьми со школьных лет вряд ли справедливо. Среди агентов

социализации родители, справедливо считающие политическое образование в раннем (с 3 до 7–8 лет) возрасте преждевременным, своими реальными поступками, не сознавая того, своеобразно воспитывают его:

Мальчик увидел на детском сеансе кино, как индейцы красили лица, и спросил отца, почему они это делают.

— Готовятся к войне!

Вечером малыш подбегает к отцу:

— Папа, бежим отсюда, мама готовится к войне!

(Канад.)

При оценке шуток такого рода, однако, следует иметь в виду следующие важные отличия детского юмора. Первое — дети специально и преднамеренно не шутят. Если они пытаются это делать, то кроме неловкости и конфуза у окружающих нарочитые шутки вызвать ничего не могут. И второе, — существует необходимость строгого отделения шуток детей от шуток о детях или детских шутках, выдуманных взрослыми. Иллюстрацией последнего отличия служат так называемые “национальные” шутки.

Маленький Зяма:

— Папа, я хочу быть русским.

— Кем–кем?

— Русским.

— Значит так — выйди из–за стола, иди к себе в комнату и сиди до тех пор пока не передумаешь!

Через час отец заходит в комнату сына.

— Ну как, еще не передумал?

— Подумать только! Всего какой–то час я русский, а уж от этих жидов натерпелся!!!

(Еврейск.)

Что касается так называемого детского “черного” юмора, то авторство взрослых вообще не вызывает сомнения.

— Дети играли в Сашу Ульянова.

Бомбу бросали в машину Лукьянова.

Или следующее:

В поле нейтронная бомба лежала,

Девочка тихо на кнопку нажала,

Некому выручить девочку эту:

Спит вечным сном голубая планета[84].

Анекдоты, незримо сопровождая нас с самого раннего детства, в известном смысле являются агентами социализации общества, состоящего из потенциальных рассказчиков и слушателей анекдотов. О том, что дети любят шутить и рассказывать анекдоты, знает, пожалуй, каждый взрослый человек. Многие родители помнят тот день, когда их 4–5–летний малыш впервые произнес заветные фразы: “Пап, рассказать тебе анекдот?”, “Хочешь послушать хохму?” Кого–то из родителей это умилило, кого–то удивило, но в целом было воспринято так естественно и обыденно, что особых беспокойств не вызвало, разве что некоторые мысли типа: “Чего бы дурного не нахватался в этом садике...” Ну, а когда ребенок пошел в школу и вернулся в первый же день с вопросом к родителям “А вы знаете, что пиписка называется совсем другим словом?” — считайте, что его детство закончилось благополучно.

Детские анекдоты, что знают все дети во дворе, долгое время оставались за пределами исследовательского интереса социологов. И дело здесь не столько в сложности работы с детским (дошкольным) возрастом, сколько в бытующем среди ученых мнении о ненужности, незначимости такого рода информации. Лишь сравнительно недавно наметился некоторый ренессанс в освоении “мира детей”, ученые наконец–то начали преодолевать в отношении детской устной традиции своеобразный “барьер тривиальности”. Появились публикации М.Осориной, М.Новицкой, С.Тихомирова, Л.Успенского, С.Борисова и др., посвященные отдельным жанрам детского и подросткового фольклора. Однако эти авторы не касались политической темы детского фольклора. В целом же “мир детства” по–прежнему остается наименее разработанным пластом социологической науки.

Сегодня говорить о едином и непротиворечивом методе изучения детского политического фольклора еще не приходится. Речь, по сути, идет пока лишь о конституировании самой проблематики. Мы же, учитывая особенности детского возраста и предмета исследования, опирались главным образом на социогуманитарные подходы в традиции “понимающей социологии”. Сбор информации осуществлялся с помощью индивидуального глубинного интервью в обычных детских садах Екатеринбурга на протяжении последних пяти лет. Доверительное общение с детьми снижало ограничения “взрослой” цензуры. Это давало возможность зафиксировать материал о “запретных” темах, которые, как представляется, составляют значительную часть реально бытующих детских текстов.

Целенаправленно изучая дошкольную среду с точки зрения наличия у детей политических стереотипов, смыслообразов и мифов, мы заметили, что дети, начиная с 3–4–летнего возраста, способны воспринимать и эмоционально оценивать те или иные политические события, факты, персоналии. Более того, в этом возрасте они способны к индивидуальной интерпретации отдельных символическо–политических феноменов: политический лидер, национальный флаг, образ врага, образ Родины и т.д. К 6–7 годам политические стереотипы и мифы приобретают у детей очерченную и устойчивую форму, некоторые из них детям предстоит пронести в своем сознании через многие годы.

Неформально общаясь с детьми, мы столкнулись с особым феноменом политической культуры, который можно условно назвать латентной. Политическая культура детей не санкционирована взрослыми, не претендует на обнародование, а попросту бытует, живет

своей жизнью, по собственным законам и спонтанно воспроизводится во всяком детском сообществе. На вербальном уровне она предстает в детских устных рассказах о событиях политической жизни общества (это могут быть и доверительные беседы с исследователем, и комментарии по поводу увиденного на телеэкране) в детском фольклоре, главным образом в политических анекдотах.

В прошлом веке слово “анекдот” означало обычно приключившееся с кем-то подлинное происшествие. Современный анекдот — чаще всего вымышленный комический случай, остроумная модель реальных отношений. В разнообразной палитре детских анекдотов наряду с неизменными чебурашками, крокодилами Генами, обезьянками, королями и проч. особое место занимают анекдоты, где главными действующими лицами выступают политические события и персонажи. Поэтому назовем эти анекдоты политическими. Обычно они начинаются так: “Раз Ельцин поспорил с Горбачевым...”, или: “Встретился Ельцин с Лениным...”, или: “Приходит Гитлер и говорит...”. О прочности и живучести жанра детского политического анекдота свидетельствует хотя бы тот факт, что он встречается в любом коллективе дошкольников. Правда, детей-носителей и передатчиков анекдотов не так уж много. По нашим оценкам не более 10% детей готовы на просьбу исследователя тут же рассказать вспомнившийся им анекдот про политиков. Но уж если ребенок знает такие анекдоты, то обязательно расскажет не один, не два, а три, четыре и более. Давайте же посмотрим на детский политический анекдот более внимательно, насколько это возможно, учитывая специфику жанра и возраст рассказчиков.

Для начала заметим, что детские анекдоты, в отличие от других фольклорных жанров (считалки, песенки, стишки, дразнилки), практически неповторимы и уникальны. Как правило, анекдоты имеют хождение внутри одного детского коллектива и очень редко транслируются в другие сообщества. Можно обойти десятки детских садов и не зафиксировать повторяющихся анекдотов, они везде будут разными. Зато дети из одной группы детского сада наверняка будут рассказывать одни и те же анекдоты.

Условно анекдоты дошкольников можно разделить на три большие группы. Первая — анекдоты, рожденные во взрослой среде, заимствованные оттуда детьми и адаптированные ими под свой возраст. Назовем их псевдодетскими. Такие анекдоты соответствуют всем признакам традиционного анекдота: игра слов, подтекст, иносказание. Они более лаконичны, умны, каждое слово точно выверено и взвешено: они устойчивы, то есть рождаются на злобу дня и живут до тех пор, пока фиксируют некоторую противоречивость социальной реальности. Эти анекдоты с легкостью передаются из одного детского коллектива в другой и с интересом воспринимаются как в детской, так и во взрослой аудитории. Рассказывая такой анекдот, ребенок может продемонстрировать перед друзьями или родителями зрелость своих интеллектуальных умений. Вот несколько типичных псевдодетских анекдотов, записанных в 1991 г.:

Сидит Горбачев. Заходит Сусанин. Горбачев говорит: “Что же ты не сказал, я бы весь съезд собрал?! А Сусанин: “Зови весь съезд, я вас дальше поведу!”

Идет Горбачев по тротуару, и у него заболела голова. Заходит в аптеку и спрашивает, “Есть ли что от головы?” Ему говорят: “Молоток”.

Едут на заседание Горбачев и Ельцин. Горбачев на “Запорожце”, Ельцин на “Волге”. У Горбачева сломался мотор. Он выходит из машины, открывает багажник и говорит: “Вот до чего дошло, уже на ходу моторы воруют!”

Вторая группа — подлинно детские анекдоты. Они чаще всего встречаются в детской среде и имеют широкое хождение среди дошкольников. Эти анекдоты рождены самими детьми, хотя автор, естественно, неизвестен; оформлены в соответствующую лексическую и смысловую форму и, как правило, непонятны, скучны и неинтересны для взрослого. В них нет привычного для взрослого уха подтекста, игры слов. Здесь скорее присутствует лишь внешняя комичность: герой упал, шарахнулся, стукнулся лбом, упал в бочку, улетел в лужу, взорвался и т.д. Да и ритмика истинно детского анекдота существенно отличается от ритмики взрослого. Это не короткий рассказ, а целое повествование с детальным, многократным (слово в слово) повтором предисловия, за которым следует неожиданная и скоротечная развязка. В подобных анекдотах ребята описывают собственный жизненный опыт и воспроизводят хорошо им знакомые модели отношений между людьми. Именно поэтому такие анекдоты, по нашим наблюдениям, охотнее всего рассказываются и запоминаются детьми:

Летят Горбачев с Ельциным в самолете. Ельцин сидит, а Горбачев все время песенку поет: “Калинка, калинка, калинка моя”. Ельцин ему говорит: “Перестань песню петь, а то накажу”, Горбачев не послушался и опять поет: “Калинка, калинка, калинка моя”. Ельцин ему опять говорит: “Перестань песню петь, а то накажу”. Горбачев все равно поет: “Калинка, калинка, калинка моя”. Тогда Ельцин взял чемодан у Горбачева и выбросил его в окошко!

(Записано в 1992 г.)

Пришли Ельцин и Горбачев к королю. Король говорит: “Кто поднимется на 17-й этаж и возьмет у обезьянки банан, тому полцарства отдам и два сундука сокровищ. Горбачев лезет–лезет, а обезьянка говорит своей маме: “Мама, что мне делать?” А мама: “Хватай его за волосы и вниз!” Обезьянка схватила Горбачева за волосы и вниз бросила. Горбачев лысым упал. Ельцин лезет–лезет, а обезьянка спрашивает свою маму: “Мама, что мне делать?” А мама, “Хватай его за волосы и вниз!” Обезьянка схватила Ельцина за волосы и вниз бросила. Ельцин тоже лысым упал. А король ему говорит: “Ты лезь кверху попой!” Ельцин полез кверху попой, а обезьянка спрашивает у мамы: “Мама, что мне делать?” А та: “Пинай!” Обезьянка как пнет по попе. Ельцин в сундук с сокровищами — шарax!

(Записано в 1995 г.)

Третья группа — это анекдоты–экспромты. Они рождаются в голове ребенка в процессе беседы с исследователем и, как правило, инициированы самим исследователем. Откликаясь на просьбу социолога рассказать что–нибудь смешное о политике, ребенок, если в запасе у него нет готового анекдота, начинает в буквальном смысле фантазировать и придумывать некий смешной, на его взгляд, рассказ на политическую тему. Ситуация извлекается из подручного материала. Особенно этим отличаются коммуникабельные, контактные дети. В традиционном анекдоте вопрос о личном авторе снимается. С анекдотом–экспромтом дело обстоит по–другому. Автор перед нами, мы присутствуем при рождении анекдота. Высшие эти фантазии вовсе не напоминают традиционную форму анекдота, а выглядят скорее как сплошной поток сознания, неупорядоченный, эмоционально окрашенный набор фраз и характеристик. Ребенок может начать повествование о Ельцине и татарине, а закончить Петькой и Чапаевым, он может виртуозно использовать в рассказе переиначенные им крылатые выражения: “...Совершено нападение на депутата. Приезжают эти бандиты. Опять стреляли. И в газетах пишут: “Пуля попала в качель. Никто не пострадал. Депутат живет всех живых и будет жить!” Такие рассказы, а дети их идентифицируют как самые настоящие анекдоты, в буквальном смысле неповторимы, ибо рассказываются только один раз. Никто, даже сам

рассказчик, уже не сможет повторить такой анекдот. Тем не менее и они представляют исследовательский интерес, поскольку не лишены смысловой нагрузки:

Пошел Горбачев на сессию и по дорожке ножку сломал. Приходит в больницу и говорит: “Почините мне ножку”. Стали они с Ельциным в больнице в посудку играть. Ельцин пожарил Горбачеву слона, курочку и всякое такое, а чеснок—то был сделан из бомбы. Горбачев съел чеснок и взорвался!

(Записано в 1991 г.)

Один раз идет Ельцин с прокурором и ведет его за веревочку. Приходит в акцию А/О “МММ” и говорит: “Моему прокурору надо дать пропечатку билета”. Потом пошел, стал рельсой. По нему идет поезд, он закричал и умер, а рельсы потом мягче стали. А акции им не дали, потому что ему не верит никто.

(Записано в 1994 г.)

Ельцин воюет с Лениным. Ельцин командовал русскими, а Ленин фашистами. Ленин говорит фашистам: “Стройся!” Они построились, ружья навалили по стенкам. Ельцин говорит: “Стройся!” Русские стреляют по фашистам. Ленин: “Вы что, болваны? Я же вам говорю по солдатам стрелять”. — “Они же не взрываются, сэр!” Дом разрушился, солдаты вместе с Лениным вылазят: “Я же говорил не стрелять по танкам, я изучил, что танки не взрываются. Мы сдаемся”. Ельцин, “Ну ладно, они сдаются. Огонь!”

(Записано в 1995 г.)

Само существование латентной политической культуры говорит о наличии у детей какой-то социально-духовной потребности, которую не способны удовлетворить другие культурные образования. Когда ребенок обращается к другому ребенку с предложением рассказать анекдот, происходит не просто дурашливое времяпрепровождение, а нечто большее — обмен важнейшей информацией о “взрослой” жизни. Можно предположить, что детский политический анекдот выступает своеобразным способом хранения и передачи социального знания, к тому же он сам является мощным источником формирования определенных политических ориентаций и моделей мировосприятия в будущем.

В самом деле, анекдот, само существование которого предполагает типирование реальности, становится средством познания мира. Политический анекдот не только добывает социальное знание из-под “кресла” официальной культуры, он удовлетворяет потребность в такого рода знании и, следовательно, предоставляет возможность ориентации в сфере социальной реальности. Потому-то анекдот, при всех прочих обстоятельствах, является необходимым звеном в политической социализации, в структурировании и организации “жизненного мира” каждого индивида. Ведь, пожалуй, только анекдоту подвластно “соскоблить” с представлений о реальности все фальшивое и наносное, обнажая ее часто в буквальном смысле.

Угрюмой серьезности взрослого запрета противостоит смешливость ребенка-нарушителя. Для взрослых все темы и проблемы детских анекдотов запретны в строго определенном смысле. Они запретны прежде всего с точки зрения благопристойности. Детский анекдот опротестовывает лицемерие нравственности взрослых, смеясь над ней. Откровенный натурализм детского анекдота (“фекальная” тема) становится оппозицией разыгрываемой благопристойности взрослых. Другой запрет касается политики — в сущности, тоже

благопристойности, но уже не бытовой, а государственной, трактующей о строгих правилах не личного, а гражданского поведения. Быт и политика — этими двумя областями только и занят детский анекдот. По крайней мере, не менее 90% услышанных и записанных нами в детских садах анекдотов относятся к той или другой сфере или к обоим сразу.

В политизированном обществе всякий анекдот становится политической сатирой на окружающий мир, а дети в таком обществе постигают реальность через политические анекдоты. Через них ребенок приобщается к миру взрослых, “схватывая” фрагменты социального знания, закодированного в емкой формуле анекдота. Проговаривая анекдот, ребенок погружает политиков в знакомую ему сферу повседневности и быта. Персонажи — политики “ползут по трубе”, “лезут на дерево”, “сидят на унитазах”, “лежат в больнице”, “едят бананы” и т.д. Незнакомая и таинственная сфера политики в устах ребенка вдруг приобретает обыденные черты, политики становятся похожими на каждого из нас, харизма сбрасывается. Происходит своего рода “десакрализация” политического, поскольку над этим можно смеяться. Политический анекдот для ребенка восполняет тем самым дефицит социального знания о политике и политиках, приближая их для понимания детским сознанием. Анекдот как бы фиксирует, что политики — чужие, но их инаковость понимаема и принимаема детьми.

Юмор, заключенный в детском анекдоте, редко глумливый, порой просто добродушный. Главное же — анекдот дает точную формулировку запретной правды, опровергая “взрослую” ложь. Детский анекдот — это правдивый апокриф, противостоящий “взрослому” мифу. Проговаривая запретный анекдот, дети дышат свободой, свободой от родительского и государственного ока.

— Ты не годный ни на что мальчишка! Плохо учишься, — укоряет отец сына. — Ленин в твоём возрасте учился только на отлично.

— А когда у Ленина был твой возраст, он уже являлся главой правительства.

Таким образом детский политический анекдот выполняет две важнейшие общественные функции: информационную функцию и главное — функцию политической социализации. Он одновременно несет сообщение, противостоящее официозу, и “вводит” ребенка в мир политики, давая возможность ориентироваться в социальном пространстве.

Детский анекдот всегда детален, внимателен и заботлив к мелочам. В нем не действует такой персонаж, как политик вообще. Лица всегда конкретны и индивидуальны — Гитлер, Сталин, Ленин, Ельцин, Горбачев и т.д. Свободные от внутренней цензуры анекдоты детей смело вторгаются в “неудобную” сферу жизни политиков, тонко подмечая специфическое и типическое для данного персонажа. Рассказывание анекдота — всегда некая игра тайного с общеизвестным, неведомого с очевидным. Анекдот способен “ухватить” нечто, не поддающееся точному и строгому описанию. Политический анекдот в устах ребенка, шаржируя и пародируя, зачастую буквально издевается над своими героями:

Раз Ельцин поспорил с Горбачевым, Горбачев рассердился на Ельцина и раскопал яму. Ельцин туда упал. Горбачев говорит: “Индийская шутка, выход налево!” Ельцин вылез из ямы и тоже выкопал яму для Горбачева. Горбачев туда упал, а Ельцин говорит ему: “Русская шутка, выхода нет!”

(Записано в 1992 г.)

Раз Ельцин говорит Горбачеву: “Давай за фашистов заступимся”. А Горбачев: “Ты что? Надо Россию защищать! Ты что, пьяный?” А Ельцин ему: “Ты что, не видишь, я еще трезвый!”

(Записано в 1995 г.)

Повод и сюжет кажутся здесь принципиально незначительными. И не важно, что это выдумка, важно “приписывание” персонажу такого странного образа действий, который дает основание посмеяться над ним.

Не будем обсуждать, имеет ли детский анекдот какую-либо реальную основу. Показательно другое — анекдот уловил, “прочувствовал” тенденцию. Перед нами пример социального “анекдотного” знания, которое оказывается далеко небезосновательным. По многим деталям, собранным наблюдениям (разговоры родителей, кадры телепередач и проч.) ребенок констатирует факт: президенты “копают” друг под друга, причем один из них страдает пристрастием к алкоголю. Столь же небезосновательны и другие сюжеты, повествующие о том, как Ельцин, к примеру, поспорит с Клинтоном — у кого сильнее солдаты, или как Ельцин спихнул Горбачева, а тот не смог подняться, или как Ельцин жаловался Ленину, что дела в России плохи, или такой, нами уже упоминавшийся “Один раз идет Ельцин с прокурором и ведет его за веревочку...”.

Несмотря на видимую простоту и даже банальность схемы, детский политический анекдот феноменологичен, по сути, как индикатор состояния массового сознания. Нынешний президент в детских анекдотах — ловкий интриган и заядлый спорщик, воюющий солдат и просто глупый человек, до которого смысл слова доходит только с десятого раза, и политик, потерявший свое лицо — его не могут “разгадать” даже люди из ближайшего окружения:

Борис Николаевич Ельцин приехал к себе в Россию. Сидит, сидит. Приходят к нему политики: “Борис Николаевич, кто Вы?” — “Я не скажу”. — “Ну, кто Вы?” — “А не скажу кто, не скажу!”

(Записано в 1995 г.)

Собственно пафос многих детских анекдотов о президенте и заключается в “разгадывании” образа первого лица в государстве, в очевидности несовпадения образа президента, сложившегося в массовом сознании, с образом, выстраиваемом официальной идеологией. “Наш” или “не наш” — коллизия двузначного существования характерна для всех детских анекдотов о президенте. Как правило, дети приписывают своему персонажу столь странные мысли и действия, что и сам он становится странным, непонятным и, следовательно, “не нашим”.

Анализируя детский политический юмор, трудно отделаться от мысли о важности выделения некоторых возрастных этапов его проявления. Дошкольный анекдот значительно отличается от подросткового. Но влияние школы на характер и направленность шуток также мало изучено. Следует, однако, предположить, что существенные изменения все же происходят, поскольку в школе обучают не только арифметике и чтению, но и дают представления о политических ценностях.

Школьники младших классов впервые сталкиваются с новыми понятиями “родина”, “патриотизм”, “суверенитет”, еще не понимая их смысла. Однако они начинают понимать

противоречивость ценностей в учебниках и уроках и реагировать на них соответствующим образом:

Отец сыну: “Кто тебя научил так врать?”

Сын отцу: “Учебник истории СССР”. (Укр.)

В исследованиях последних лет накоплено много фактов, свидетельствующих о том, что усвоенный ребенком стиль общения дома отличается от стиля и ожидания учителя, взаимодействия учителя и ученика становится дисгармоничным. При обсуждении какого-либо пересказа (устная речь типа “покажи и расскажи”) — обучение в ситуации устного рассказа — встречаются неожиданности.

Во время проверки в школе инспектор спрашивает учеников:

— Какая личность, с которой вы столкнулись в течение учебного года, потрясла вас сильнее других?

— Меня — Наполеон.

— Меня — Ганнибал.

— Меня — Юлий Цезарь.

— А тебя? — обращается инспектор к ученику за последней партой.

— Мой отец, когда увидел отметки за первое полугодие. (Исп.)

Дж.Коллинз изучал подобные типы вербального взаимодействия на уроках чтения в группах хорошо успевающих и неуспевающих школьников. Он пришел к выводу, что учителя в своих ответных репликах-вопросах значительно чаще используют идеи, высказанные школьниками успевающей группы, чем неуспевающими. Во взаимодействии с детьми из неуспевающей группы значительно возрастает число “осечек”[85].

Урок в школе.

— Дети, кто знает, какой у нас век?

Молчание.

— А какой у нас год?

— Юбилейный. (Сов.)[86]

За последние три-четыре года “взрослый” анекдот заметно пошел на убыль, редко услышишь что-нибудь новенькое. Не скудеет только детский политический анекдот, он по-прежнему противостоит и будет противостоять миру взрослых, миру официальной культуры, следовательно, неисчерпаем. Мы лишь прикоснулись к этой теме, попытавшись представить ее как проблемную и заслуживающую научного анализа. Что касается политической цензуры, то можем заверить, что все представленные анекдоты российских детей подлинные, а значит, обижаться на них бессмысленно. Так уж повелось у нас: какие политики — такие и анекдоты. А из анекдота, как и из песни, слова не выкинешь, тем

более из детского. К тому же пословица гласит: “Устами младенца глаголет истина”. Именно это заключение сделала читательница “Аргументов и фактов”.

“Советую политикам “Не ругаться” и “жить дружно”, малыши, безусловно, правы. Мой пятилетний внук Алеша политикой не интересуется, предпочитая мультики. Но однажды летом он меня буквально потряс. Захожу как-то в комнату, а Лешенька с серьезным видом говорит в трубку своего игрушечного телефона: “Шамиль Басаев, вас плохо слышно...”[87].

В данном случае речь идет об одном из важных психологических механизмов социализации — имитации поведения взрослых. Образцами подражания становятся родители, учителя или люди, обладающие высоким статусом или властью. Задумаемся об этом...

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ

ЮМОР КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В политическом взаимодействии люди зачастую обмениваются шутками, остротами, анекдотами, а иногда и нецензурно-фривольными надписями на заборах и в туалетах. Вызывая смех, любое подобное сообщение несет в себе сигнал, значение которого может быть понято по-разному. Более того, в зависимости от состава группы и культурной среды оно вообще может утратить всякий смысл. Рассказ веселой истории, например о коммунистах или демократах во время церковной службы, был бы явно неуместен. И та же история, умело повторенная в кругу друзей, несмотря на различные политические пристрастия участников разговора, может вызвать дружеский смех.

Этот смех на какое-то время объединяет людей. Он помогает наладить контакт даже между малознакомыми людьми, ну а если эти люди имеют относительно общие взгляды и им угрожает мнимая или реальная опасность от другой группы, то юмор может не только разрядить обстановку, но и придать обменивающимся шутками столь необходимую им толику энергии. Особенно в ходу шутки, которые вызывают хотя бы на короткое время, чувство превосходства над противником.

Наиболее воодушевляющими в этом качестве представляются такие приемы, как гипербола, гротеск, иносказание, фантастика. Таковым стилем в совершенстве владел М.Е.Салтыков-Щедрин — наиболее знаменитый и непревзойденный из русских политических сатириков. Юмор писателя поражал своих современников желчностью и беспощадностью.

Гротескные образы Брудастого-Органчика, Угрюм-Бурчеева как бы дополняются и оттеняются “глуповцами” — пассивными рабами своих угнетателей. “История одного города”, по сути дела, это двусторонняя сатира: на самодержавие и на неверующих в себя народных масс. Салтыковские персонажи — и в этом их живучесть до сих пор — обсуждаются в разных группах населения (от школьников до академиков), и их живописные характеры, кажется, бессмертны.

Современная ситуация

Июльское (1995 г.) наступление генпрокуратуры на телевизионную передачу “Куклы” представляло собой своеобразный сигнал читателю: у нас складывается общество, где